

Аниме

ХРОНИКИ ЗАТЕРЯННОГО ХРАМА

СКАЧКОВ Е. А.

18+

Евгений Скачков

Хроники затерянного храма

<https://litres.ru/74666632>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире Нифльхейма, где солнце навсегда скрыто за пеплом Войны Гнева, магия стала ядом. За каждую искру света, вырванную из кристалла, мир взимает страшную плату — час жизни заклинателя.

Когда из трещин реальности начинают просачиваться Шёпоты — сгустки первородной тьмы, — юный воин Лиам, вооруженный лишь древним ржавым мечом, случайно становится Носителем. Он единственный, кто может касаться чистой магии без смертельной платы. В поисках спасения для гниющей земли он собирает обреченный отряд: гнома-алхимика Брома, меняющего годы на фальшивое золото; эльфийскую лучницу Эльзу, чью кожу медленно обращает в камень «Серая Хворь»; и мага Келя, который выживает, ворую чужое время.

Евгений Скачков

Хроники затерянного храма

Аниме

Название книги

Хроники затерянного храма

Пролог: Пепел Войны Гнева

Древняя империя Нифльхейм не пала. Она задохнулась в собственных легких, забитых серой и остывшим металлом.

Всё началось тысячу лет назад, в Эпоху Пламенного Союза, когда границы между измерениями истончились, и Престолы — первородные боги созидания — решили, что их творение готово к последнему дару. Они сошли на землю не в сиянии святости, а в грохоте сталкивающихся тектонических плит. Их ступни плавили гранит, а голоса рвали небеса на лоскуты северного сияния. Это была не священная война за веру. Это была Война Гнева — слепая, первобытная ярость сущностей, осознавших, что их время уходит, а смертные, которых они создали из праха, посмели стать им ровней, научившись плести заклинания из собственной крови.

Семь дней и семь ночей континент дрожал, сиюсь сбросить с себя титанов. Море вскипело, обратившись в пар, и этот пар навсегда скрыл лик солнца. Теперь над Нифльхеймом царит вечный пепельный закат — тусклое, багровое свечение, пробивающееся сквозь километры вулканической взвеси, висящей в стратосфере. Здесь не бывает полудня, здесь всегда царят глубокие, фиолетовые сумерки, в которых тени живут своей собственной, пугающей жизнью.

Магия, некогда бывшая дыханием мира, его теплой кровью и ласковым ветром, стала ядом.

В те страшные дни, когда боги рвали саму ткань реальности, они пролили свою эссенцию. Эта эссенция смешалась с душами павших воинов и отчаянием умирающей земли, кристаллизовавшись в глубине гор. Теперь она заключена в холодных, мертвых кристаллах-артефактах, которые пульсируют в темноте, словно изъеденные болезнью сердца. Эти камни — саркофаги для божественного гнева. Они не греют. Они высасывают тепло из всего, к чему прикасаются, оставляя на камнях иней, а на коже людей — незаживающие ожоги, похожие на карту звездного неба.

Выживший Император, чье лицо превратилось в маску из пепла и шрамов, не мог уничтожить эту силу, но смог её ско-

вать. Он написал Законы на костях первого мага, и эти правила въелись в самую суть Нифльхейма. Использование магии подчиняется строгому, неумолимому Закону Равновесия. За каждую искру света, вырванную из камня, за каждое заклинание, согревающее замерзшие руки, или щит, отражающий удар, маг платит часом своей жизни. Время здесь — самая твердая валюта. Оно утекает сквозь пальцы быстрее воды, оставляя молодых старцев с глазами, в которых плещется тысячелетняя усталость. Седина в двадцать лет, морщины, глубокие как ущелья, в тридцать — вот цена могущества в империи вечной ночи.

Но люди привыкли. Они научились жить, дыша через пропитанные уксусом тряпки, научились строить города из костей гигантских левиафанов, выброшенных на берег мертвым океаном, и согревать их тусклым светом украденных лет. Они забыли, как выглядит звездное небо, заменив его тусклым блеском магических фонарей. Империя превратилась в механизм, работающий на человеческом времени, и этот механизм медленно, но, верно, пожирал сам себя.

Однако тьма, изгнанная в иной мир по ту сторону расколотых врат, не была уничтожена. Она не умеет умирать. Она лишь затаилась, залечивая свои эфирные раны в пустоте между мирами. И теперь, спустя тысячелетие, она начинает просачиваться обратно.

Она не идет маршем легионов. Она течет сквозь трещины в реальности — сквозь микротрещины в старых печатях, сквозь усталость в сердцах людей, потерявших надежду, сквозь сны детей, которые уже не помнят цвета живой травы. Сначала это были лишь Шёпоты — сгустки первородного мрака, принимающие форму искаженных страхов. Затем — Тени, способные вытягивать не только жизнь, но и воспоминания, оставляя после себя пустые, бродячие оболочки.

Барьер, удерживающий их, истончается с каждым днем. Печати, выкованные из божественной крови, ржавеют. И в этом замерзающем, задыхающемся мире, где сама надежда давно стала дефицитом, начинает зарождаться нечто, не предусмотренное ни законами Императоров, ни волей павших богов. Начинает звенеть тонкая струна судьбы, к которой прикоснется рука, не знающая цены украденного часа.

Глава 1. Ржавый клинок и пепельный дождь

Юный воин Лиам точил свой меч на ступенях разрушенного храма, и этот монотонный, скрежещущий звук был единственным, что нарушало мертвую тишину Железных пустошей. Камень под его ногами, когда-то бывший частью величественного алтаря, теперь покрылся липким налетом сажи и зеленоватой окисью. В Нифльхейме время измерялось не восходами солнца — их никто не видел уже несколь-

ко поколений, — а слоями пепла, оседавшими на руинах.

Лиам водил точильным камнем по изогнутому лезвию катаны, и с каждым движением в воздух поднималось облачко рыжей пыли. Это была не просто ржавчина. Это была коррозия самой истории. В Нифльхейме не осталось кузнецов, способных выковать новый клинок. Древние гильдии оружейников вымерли в первые десятилетия после Войны Гнева: их легкие сгорели от вдыхания пепла, а руки иссохли, так и не успев передать секреты дамасской стали. Металл стал роскошью, а живой огонь — мифом. Кузницы давно остыли, превратившись в склепы, где под слоем окарины покоились молоты предков.

Его оружие было старше его самого на добрую сотню лет. Рукоять, когда-то обмотанная дорогой кожей морского змея, теперь превратилась в жесткий, потрескавшийся узел, пропитанный засохшей кровью трех предыдущих владельцев. Лезвие, некогда блиставшее зеркальным блеском, покрылось глубокими язвами петтинга. Но баланс был идеален. Этот клинок знал вкус битвы, он помнил, как рассекал плоть титанов, и Лиам чувствовал эту память в дрожи стали. Он точил его не для того, чтобы сделать острее — ржавчина давно проела металл насквозь в нескольких местах, — а для того, чтобы успокоить собственные мысли. Скрежет камня о сталь заглушал голод в животе и ледяной ветер, несущий запах се-

ры.

Лиам поднял взгляд. Небо, и без того напоминающее крышку старого чугунного котла, внезапно налилось тяжелым, давящим светом. Пепельный дождь изменил свой состав. Вместо мелкой, серой пыли, забивающейся в складки одежды, с небес посыпались крупные, маслянистые хлопья. Они падали медленно, словно в густом масле, и там, где они касались земли, камень начинал едва заметно дымиться. Воздух загустел, в нем появился металлический привкус — привкус меди и старой крови. Небо окрасилось в цвет запекшейся, почти черной венозной крови, и даже вечно тусклое багровое солнце окончательно скрылось за этой пеленой. Наступила та редкая, пугающая тишина, которую старики называли «затишьем перед глотком». Лиам инстинктивно задержал дыхание, чувствуя, как на зубах скрипит пепел, а в груди нарастает глухая, животная паника.

Земля под его ногами, спрессованная за века до состояния базальта, глухо и влажно вздохнула. По ступеням храма, поднимаясь из самых глубин, пробежала тонкая, извилистая трещина, похожая на черную молнию. Она не расколола камень — она просто прошла сквозь него, игнорируя законы физики. Из этой зияющей раны в земле, которая не источала ни тепла, ни пара, а лишь абсолютный, леденящий душу холод, вырвался первый Шёпот.

Он не имел формы. Это был сгусток первородной тьмы, абсолютного вакуума, который человеческий разум отказывался воспринимать. Он был чернее самой глубокой ночи, чернее выжженных глазниц черепа. Шёпот не падал на землю — он просачивался сквозь нее, игнорируя материю, и на мгновение замер в воздухе, пульсируя, словно черное сердце.

А затем он начал обретать плоть, подчиняясь древнему, извращенному инстинкту. Тьма сгущалась, скручиваясь в тугие жгуты, и Лиам с ужасом осознал, что смотрит не на чудовище из легенд. Шёпот не стал драконом или демоном. Он принял форму того, что Лиам похоронил в самом дальнем углу своего сознания.

Сначала проступил силуэт матери — искаженный, вытянутый, с неестественно длинными, как у паука, пальцами. Она тянула к нему руки, но вместо кожи на них были гниющие бинты, сквозь которые сочился густой, черный гной. Ее рот был зашит суровой нитью, но Лиам слышал ее крик так отчетливо, словно стоял рядом. Крик, полный той муки, которую она испытала, когда «Серая Хворь» начала превращать ее легкие в камень.

Силуэт дрогнул, рассыпался темными брызгами и тут же

собрался заново. Теперь это был отец. Его доспехи были пробиты на груди, но из раны не текла кровь — оттуда, клубясь, выползал тот самый пепельный дождь, засыпая Лиаму с головой. Глаза отца были выжжены, а на их месте мерцали тусклые синие кристаллы артефактов. Он молча открывал рот, и Лиам знал, что он шепчет слово «предатель».

Тьма снова сменила облик, становясь еще более плотным, физическим ужасом. Теперь перед ним стоял он сам — Лиам через десять лет. Его лицо было серым, кожа туго обтягивала череп, а в руках он сжимал не ржавый клинок, а посох из человеческого позвоночника, увенчанный пульсирующим синим камнем. Глаза будущего Лиама были абсолютно пусты, и в них отражалось пепельное небо. Он смотрел на юношу с безграничным, всепоглощающим презрением.

Шёпот не собирался рвать его плоть когтями. Он не собирался сжигать его тьмой. Его оружие было куда страшнее. Он питался не кровью, а смыслом. Он показывал Лиаму, что всё бессмысленно: его ржавый клинок, его жизнь, его попытка точить оружие на краю могилы мира. Он предлагал самый желанный дар в умирающей империи — абсолютное, тихое небытие. Просто перестать сопротивляться. Просто сделать шаг вперед и позволить черной трещине забрать его, чтобы боль, холод и бесконечная тоска Нифльхейма наконец-то закончились.

Пепел забивался в рот, в нос, оседал на ресницах, превращая мир в размытое, красно-черное пятно. Лиам сжал рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев. Оружие в его руке отозвалось не звоном, а глухим, болезненным стоном уставшего металла. Он не произнес боевой клич. У него не было сил даже на крик. Он просто выдохнул облачко кровавого пара и сделал шаг вперед, навстречу искаженному страху, разрывая оцепенение. Бой начался не со звона стали, а с отчаянного, беззвучного вопля его собственной души, отказывающейся стать чьим-либо отражением.

Глава 2. Пульсирующий осколок

Лиам бежал, пока Шёпот пожирал руины. Это не было похоже на преследование зверя. Тьма не отставала, она текла за ним по пятам, просачиваясь сквозь щели в разбитой брусчатке, обтекая колонны и впитываясь в сами тени, которые отбрасывал юноша. Он слышал не топот, а оглушительный, сводящий с ума шепот, звучащий одновременно со всех сторон — прямо в барабанных перепонках, под черепом, в самом центре его страха. Мать, отец и его собственное искаженное будущее кричали ему в уши, что ноги налились свинцом, что храм разрушен, а выхода нет.

Его ржавый клинок со звоном вылетел из ослабевшей ру-

ки, когда он, споткнувшись о выступающий корень мертвого железного дерева, кубарем покатился по ступеням вниз. Пепел набился в рот и глаза, ослепляя и вызывая рвущий легкие кашель. Лиам покатился по холодным, влажным камням, пока не ударился спиной о массивную бронзовую дверь, запечатанную рунами, которые давно потускнели. Шипение Шёпота стало громче, оно обрело плотность — липкую, ледяную массу, которая начала заливать ступени, поднимаясь вверх густой черной волной. Она не просто двигалась, она пожирала материю на своем пути: там, где проползал сгусток, камень крошился в сухую пыль, а металл покрывался слоем вековой коррозии за одно мгновение.

Спасаясь от ледяного прикосновения, Лиам навалился на дверь всем весом. С протяжным скрежетом, от которого зазаныли зубы, массивная плита поддалась, осыпав юношу облаком истлевшей трухи, и впустила его внутрь. Он ввалился в старую крипту, и тяжелая дверь с грохотом рухнула за его спиной, отрезая мир от абсолютной тишины.

Здесь, в сердце земли, воздух был иным. Он пах не серой и тленом, а озоном, раскаленным гранитом и чем-то сладковатым, похожим на запах крови перед грозой. Лиам поднял голову, моргая, чтобы прогнать пляшущие перед глазами черные пятна. Он оказался в круглом зале, своды которого подпирали колонны, вырезанные из цельных костей неве-

домых левиафанов. Вдоль стен стояли пустые саркофаги, чьи крышки были сдвинуты не грабителями, а изнутри — их сорвало неведомой силой тысячелетия назад.

В центре крипты возвышался алтарь. Он не был сложен из плит — казалось, сам камень пола просто вздулся, треснул и застыл причудливым, пульсирующим пузырем. И в его сердцевине, в гнезде из черного вулканического стекла, покоился осколок.

Он не горел. Он не освещал мрачную крипту, разгоняя тени. Он сам был светом, настолько плотным и живым, что казался вырванным из вены самого мироздания. Цвет его был неестественным, невозможным для этого выцветшего мира — глубокий, электрический ультрамарин, переходящий в цвет чистого неба, которого Лиам никогда не видел. Осколок был размером с детский кулак, с острыми, изломанными гранями, и он пульсировал в такт чему-то, что не было сердцем юноши. С каждым его толчком по полу крипты пробегала едва заметная голубая жилка, а воздух в зале становился на градус теплее. Лиам почувствовал, как коченеющие от страха и холода пальцы начинают оттаивать.

Тьма не заставила себя ждать. Она не стала ломать дверь — это было бы слишком просто. Черная масса просто просочилась сквозь микротрещины в древнем камне, протекла под

порогом густой, маслянистой лужей. Шёпот заполнил крипту за одно биение сердца, и температура упала так резко, что дыхание Лиам превратилось в острые кристаллы льда. Тень метнулась к нему, принимая форму гигантского паука, сотканного из отчаяния, и ее передняя лапа — тонкая, сочащаяся мраком игла — потянулась к его плечу. Лиам вжался в алтарь, понимая, что это конец. Он чувствовал запах собственной смерти — запах жженой пыли и забытого одиночества.

В последний момент, когда игла тьмы уже коснулась грубой ткани его плаща на плече, Лиам, повинаясь не разуму, а чистому, первобытному инстинкту самосохранения, выбросил руку вперед. Его пальцы, разбитые и кровоточащие, сомкнулись на острых гранях синего кристалла.

Мир взорвался.

Боль не была острой — она была абсолютной. Она пронзила ладонь, мгновенно испепеляя кожу и мышцы до самого белого, светящегося голубым светом скелета. Агония рванулась выше по сухожилиям, выжигая плечевое сплетение, ударила в ключицу и вонзилась прямо в сердце. Лиаму показалось, что в его грудь вбили раскаленный докрасна лом. Он не мог кричать — легкие отказались втягивать воздух, в котором теперь было слишком много энергии. Зубы за-

скрежетали, грозя раскрошиться, а по подбородку поползла струйка пены, смешанной с кровью. Его собственное тело взбунтовалось, пытаясь исторгнуть эту чужеродную, божественную мощь, которая была слишком велика для хрупкой человеческой оболочки.

Но вместе с болью пришел звук. Оглушительный, чистый звон хрустального колокола, который раздался не в ушах, а внутри черепа.

И в тот же миг тьма отпрянула.

Шёпот, уже почти поглотивший его плечо, взвыл — если беззвучный ужас вообще может издавать звук. Это был визг раскаленного металла, брошенного в ледяную воду. Первородная тьма не просто испугалась — она получила химический ожог. Синий свет, хлынувший из сжатого кулака Лиамы, не разгонял мрак. Он аннигилировал его. Там, где касались лучи, Шёпот не рассеивался, он переставал существовать, оставляя после себя лишь вакуум и медленно опадающие хлопья абсолютно белого, чистого пепла. Волна чистой энергии ударила от алтаря во все стороны, смывая черные шупальца со стен, испаряя тьму с костей левиафанов и запечатывая трещины в камнях вспышкой синего пламени.

Лиам упал на колени перед алтарем, прижимая пылаю-

щую руку к груди. Боль медленно отступала, сменяясь невыносимым, звенящим холодом, который теперь поселился прямо под ребрами. Он посмотрел на свою ладонь. Кожа не обгорела. На ней не было ни единого ожога, но теперь по всей руке, от кончиков пальцев до локтя, проступила сложная вязь татуировки — тонкие, светящиеся голубые линии, повторяющие узор граней кристалла. Они пульсировали в том же ритме, что и осколок.

Он медленно, с хрустом в суставах, разжал пальцы. Кристалл завис в сантиметре над его ладонью, удерживаемый не плотью, а невидимыми нитями воли.

Лиам понял это не умом. Это знание просто влилось в его сознание вместе с болью. Он только что нарушил главный закон Нифльхейма. Он коснулся магии напрямую, без посредничества артефакта, без принесения жертвы временем. Он не заплатил ни часом жизни, ни годом молодости.

Шёпот, лишившись формы, забился в углы крипты, бесильно царапая невидимую стену вокруг алтаря. Тьма паниковала. Она не могла пересечь границу синего света.

Лиам стал Носителем. Живым сосудом. Единственным, чья человеческая воля, подкреплённая яростью выживающего, оказалась способна касаться чистой, первозданной эссен-

ции мира без смертельной платы. Он больше не был просто юным воином с ржавым мечом. Он стал аномалией. Ошибкой в уравнении умирающего мира. И теперь сама тьма знала его имя.

Глава 3. Алхимия отчаяния

Железный город не имел улиц в привычном понимании. Он представлял собой многоуровневый склеп, высеченный в чреве остывшего вулкана, где уровни соединялись скрипучими деревянными лесами и ржавыми цепями, на которых гроздьями висели старые вагонетки. Наверху, в трущобах верхнего яруса, воздух был настолько густым от металлической пыли и пепла, что его можно было резать ножом и лепить из него черные, липкие снежки. Люди здесь ходили, пригнув головы, их лица скрывали плотные многослойные маски, а глаза навсегда были окружены красными кругами воспаления.

Лиам спустился на самый нижний, запретный ярус — в Старые Шахты, куда не рисковали спускаться даже патрули Имперской Стражи. Здесь закон Империи заканчивался, и начиналась территория химии и безумия. Под ногами хлюпала жижа из смеси нечистот, вытекшей кислоты и растворенного строительного раствора. С потолка, покрытого фосфоресцирующей слизью, постоянно капало, и там, где пада-

ла капля, бетон шипел и проедался насквозь, источая едкий желтый дым.

Лиам нашел Брома по запаху. Среди удушливой вони сероводорода, жженой резины и гниющего белка внезапно пробился тонкий, почти ностальгический аромат — запах озона, расплавленного кварца и сухих горных трав. Аромат мира, который существовал до Войны Гнева.

Вход в жилище гнома выглядел как разинутая пасть чудовища: массивная дверь из листовой стали была завалена с внешней стороны баррикадами из ржавых бочек и колючей проволоки. Лиаму пришлось трижды окликнуть хозяина, прежде чем в смотровом окошке, защищенном толстым мутным стеклом, не мелькнул искаженный силуэт. — Носитель, — проскрежетал голос из-за двери, лишенный всякого удивления. — Я видел вспышку твоего осколка. Свет пробил даже слой пепла в три локтя. Либо ты идиот, либо у тебя действительно есть то, что мне нужно. Открывай медленно, держи руки так, чтобы я видел ладони. Если в твоём кулаке зажат артефакт, я выплавлю тебе ноги.

Дверь открылась с протяжным, мучительным визгом несмазанных петель. Лиам шагнул внутрь, и его тут же оглушил гул.

Бром-алхимик жил в подвале, который больше напоминал чрево живого, больного зверя. Это была огромная пещера, заставленная стеллажами из перекореженного металла. Тысячи стеклянных колб, реторт и змеевиков из мутного, пузырчатого стекла были соединены в единую, хаотичную систему. Они тянулись по стенам, свисали с потолка на медных трубках и уходили прямо в пол. Внутри них бурлила, хлопотала и пульсировала жижа самых немыслимых цветов: от мертвенно-фиолетового до болезненно-салатового. Некоторые сосуды были покрыты слоем изморози, от которой шел пар, другие же раскалились докрасна, и стекло в них начало плавиться, принимая форму слез. Периодически то одна, то другая колба издавала глухой хлопок, выпуская облачко разноцветного дыма, и Бром, не поворачивая головы, механически поворачивал очередной латунный вентиль.

Сам гном выглядел как часть своего безумного механизма. Его борода, некогда рыжая, была выжжена кислотными парами до состояния жесткой серой пакли и заплетена в косы, на концах которых болтались стеклянные ампулы с реагентами. Его кожа имела нездоровый, пергаментный оттенок, а глаза, увеличенные толстыми линзами защитных очков, лихорадочно блестели, постоянно двигаясь — он одновременно следил за цветом жидкости в десяти разных сосудах. На нем был тяжелый кожаный фартук, залитый застывшей химической слизью, а его руки, несмотря на гномью

крепость, были узловатыми и дрожали от постоянного микро-дозирования ядов.

— Садись, — бросил Бром, даже не глядя на гостя. Он склонился над огромным кубом, в котором кипела густая, черная смола. — Только не дыши глубоко. Вон тот угол вчера пустил метастазы, я еще не изолировал споры.

Лиам остался стоять. Он смотрел на то, что происходило в дальнем углу подвала, освещенном единственной тусклой синей лампой. Там, на каменной плите, лежал кусок обычного свинца — тусклый, серый, тяжелый. Бром, бормоча под нос древнюю литанию на языке горных кланов, высыпал на него щепотку белого порошка из бумажного свертка. Затем он взял две медные иглы, подключенные к динамо-машине, и вонзил их в металл. — Смотри внимательно, Носитель, — хрипло сказал гном, с силой вращая ручку генератора.

Свинец застонал. Это был низкий, утробный звук рвущейся материи. Под воздействием тока и алхимического катализатора его кристаллическая решетка начала перестраиваться. Серый цвет посветлел, стал текучим, и через мгновение по поверхности металла побежали золотые, ослепительно яркие прожилки, словно вены живого существа. Свинец плавился, кипел и оседал, превращаясь в тяжелый, матово-желтый слиток чистого золота.

Бром выключил машину, тяжело выдохнул и вытер пот со лба. Его руки дрожали сильнее обычного. Он потратил на это превращение почти час своей жизни — кожа на его лице стала еще серее, а морщины вокруг глаз углубились. — Красиво, не правда ли? — просипел он, глядя на слиток с ненавистью. — Чистое, имперское золото. Проба, за которую сто лет назад убивали королей.

Он поддел слиток железным крюком и с размаху швырнул его в кучу мусора в углу. Золото зазвенело, ударившись о гору битого стекла и ржавых пружин. — Оно ничего не стоит, — голос Брома сорвался на хриплый шепот, полный такой концентрированной горечи, что Лиам физически ощутил ее вкус. — В Железном городе, Носитель, мы меняем золото на чистую воду. На один вдох воздуха, пропущенного через фильтры. На таблетку угля, чтобы не сойти с ума от токсинов. Я могу превратить этот подвал в гору драгоценностей, мальчик. Я могу одеть тебя в доспехи из платины. Но когда ты придешь с ними к воротам водокачки, стража просто посмеется тебе в лицо. Они заберут твои побрякушки, а тебе дадут кружку желтой, отравленной жижи, которую мы называем водой. Металл не лечит легкие. Золото не смывает пепел с души.

Лиам сжал кулак, чувствуя, как под кожей пульсирует си-

ний свет. Он пришел сюда не за богатством. — Мне нужен проводник, — сказал он. — Мне нужен тот, кто понимает, как устроен этот мир на уровне атомов. Храмовые печати... они не просто каменные. Они алхимические.

Бром медленно повернул голову. Его увеличенные глаза за стеклами очков впились в лицо Лиама. Гном смотрел на него долго, оценивающе, словно препарировал не человека, а новый, неизвестный науке элемент. Он видел не юного воина, а ходячую катастрофу, сосуд с нестабильной энергией, который рано или поздно взорвется, уничтожив половину города.

Затем взгляд гнома упал на руку Лиама, где под тканью проступали светящиеся вены. Он увидел в этом не проклятие, а возможность. Единственный шанс нарушить Закон Равновесия.

— Первоматерия, — внезапно произнес Бром, и в его голосе впервые за долгие годы зазвучал не пепел, а сталь. Он подошел к стеллажу и начал с грохотом скидывать на пол пустые колбы. — Легенды шахт. Миф о том, что было до того, как боги пролили свою кровь. Чистая суть творения. Эфир, из которого можно вылепить что угодно, не отдавая взамен ни секунды жизни. Если она существует, я смогу создать философский камень, который не будет требовать жертв. Я

смогу обратить самую гниющую землю в цветущий луг. Я смогу исцелить легкие моей дочери...

Он резко замолчал, поняв, что сказал лишнее. Но было поздно. Лиам увидел, как дрогнули массивные плечи гнома. За маской безумного ученого скрывалась бездна отцовского отчаяния.

Бром резко развернулся. Его глаза горели фанатичным огнем. Он схватил с верстака тяжелый железный посох, увенчанный тиглем. — В древних храмах, — прохрипел алхимик, его голос теперь звенел безумием и надеждой, — в самом сердце их реакторов, где магия еще не была заключена в камни... там могла остаться Первоматерия. Пыль творения. Если мы найдем ее, мальчик, я вылечу этот мир. Я обращаю свинец их проклятой Войны в золото новой жизни. Но путь к храмам лежит через Бездну Осколков. Тебе понадобится тот, кто умеет превращать яд в лекарство. Ты привел меня к смыслу, Носитель. Я пойду с тобой. Но учти: если этот синий огонь в твоей руке погаснет раньше, чем мы найдем Эфир, я лично скормлю твои кости своим самым медленным кислотам.

Лиам молча кивнул. В подвале, пахнущем отчаянием и озоном, родился союз, который был невозможен по законам Нифльхейма: Носитель, несущий в себе проклятие богов, и

алхимик, мечтающий отменить цену магии. Вместе они составляли уравнение, способное либо спасти империю, либо окончательно разорвать ее на части.

Глава 4. Тень в кронах

Эльза спустилась с дерева бесшумно, и даже сухой, мертвый мох, покрывавший ветви Железного леса, не издал ни единого треска под ее мягкими кожаными сапогами. Для человека это движение показалось бы падением листа — настолько плавным и лишенным веса оно было. Она была частью этого мертвого пейзажа, его идеальным хищным элементом.

Ее народ, эльфы Кристаллического Шпеля, веками жил в симбиозе с гигантскими окаменевшими деревьями, чьи корни пробивали своды пещер. Но теперь этот симбиоз обернулся проклятием. «Серая Хворь» не была болезнью в человеческом понимании — она не вызывала жара, кашля или гноя. Она была геологической мутацией, медленным, неотвратимым слиянием живой плоти с минеральной матрицей мира. Все начиналось с крошечной точки у основания большого пальца — участка кожи, который терял эластичность и приобретал тусклый, графитовый блеск. Затем эта корка ползла выше по ладони, захватывала запястье, превращая суставы в неподвижные шарниры. Жертва не чувствовала боли, лишь

странную, нарастающую легкость и прохладу. Кожа становилась идеальным мрамором, гладким и прочным, пока болезнь не добиралась до легких. Тогда эльф, еще способный мыслить и чувствовать, превращался в абсолютно неподвижную, прекрасную статую, внутри которой медленно угасал живой разум, запертый в каменной клетке. Целые рощи их древнего леса уже превратились в безмолвные сады окаменевших тел, где ветер пел свои скорбные песни сквозь неподвижные губы статуй.

Эльза остановилась на широкой ветви, прижавшись спиной к стволу, который был холоднее льда. Ее охотничий костюм из чешуйчатой кожи василиска сливался с тенями, делая ее практически невидимой для человеческого глаза. Единственным ярким пятном на ней был лишь кожаный шнурок на шее, с которого свисал крошечный флакон из горного хрусталя. Внутри плескалось ровно три капли густой, серебристой жидкости — эссенция слез горного духа. Это была ее суточная доза, единственное, что замедляло распространение серого камня по ее собственной ключице. Если она не найдет лекарство до следующего полнолуния, ее правая рука навсегда станет частью геологии Нифльхейма.

Ее лук был сделан из кости древнего зверя — Великого Птерикса, небесного левиафана, чья тень когда-то закрывала целые провинции. Кость эта не была белой или желтой.

Она имела глубокий, перламутровый отлив и была теплой на ощупь, словно легендарный зверь до сих пор дышал внутри своего скелета. Тетива, сплетенная из волоса Ледяной Лисы, не звенела при натяжении — она пела на низкой, едва уловимой ноте, вибрируя в такт пульсации земли. Эльза проверила колчан: стрелы с наконечниками из вулканического стекла, стрелы с древками, пропитанными вытяжкой из корней-паразитов, и одна единственная, оперенная белым пухом птицы Рух — стрела абсолютного пробития, которую она берегла для того самого мига, когда встретит Лунный Цветок.

Она не просто пряталась. Она сканировала пространство. Ее зрачки, вертикальные и пульсирующие в темноте, улавливали малейшие изменения в инфракрасном спектре. Она видела, как внизу, у подножия окаменевшего дуба, дрожит тепло человеческого тела — Лиам. Она видела, как от него исходит едва заметное, потустороннее синее сияние, которое не грело, а наоборот, создавало вокруг юноши зону абсолютного холода, отталкивающую энтропию. А еще она видела отсутствие. Там, где стоял гном Бром, тепловая карта показывала дыру — Бром сжигал собственное время так быстро, что его тело едва удерживало базовую температуру, становясь прозрачным для ее магического зрения.

Эльза видела, как Лиам отбросил Шёпота. Она наблюдала за этим с высоты сорока локтей, лежа на толстом суку,

и ее дыхание замерло. Она видела, как первородная тьма, способная растворить гранит, отпрянула от руки человека, словно от раскаленного клейма. Она видела вспышку чистой магии, которая не требовала кровавой жертвы временем. В Нифльхейме, где за каждый вздох нужно было платить годами жизни, это было невозможно. Это было ересью. Но для Эльзы это был единственный шанс.

Ее пальцы, пока еще состоящие из теплой плоти, а не из камня, инстинктивно сжались на рукояти лука. Она знала легенды. Древние свитки Шпеля гласили: до Войны Гнева магия не заключалась в кристаллах. Она была разлита в самой земле, в воде и в древесине. Лунный Цветок — *Lunaria Noctis* — был не просто растением. Это был живой артефакт, биологический реактор, который рос только в местах, где завеса между мирами истончилась настолько, что божественная эссенция питала почву. Его пыльца могла обратить вспять любую магическую мутацию, переписать саму генетическую ошибку, заставившую плоть эльфов тянуться к камню. Это был единственный способ исцелить «Серую Хворь», не заплатив за это душами своих детей.

Эльза поняла главное, глядя на синюю ауру Лиама: его путь и ее путь — это одна и та же тропа. Шёпоты, преследовавшие юношу, были не просто случайными демонами. Они были гончими. Тьма, просачивающаяся из иного мира, чув-

ствовала чистую магию и тянулась к ней, как мотылек к огню. А это значило, что там, где пройдет Носитель, завеса будет тоньше всего. Там, где идут Шёпоты, древняя магия земли еще не умерла.

Ее путь вел к храмам, где растут легенды.

Она знала, что люди Империи считают эльфов высокомерными и холодными, как их окаменевший лес. Они не знали, что за этой маской скрывается отчаянная, животная жажда жизни. Эльза была готова спуститься вниз. Готова приставить к горцу Лиаму свою стрелу из кости Птерикса и потребовать, чтобы он взял ее с собой. Она была готова стать для них обузой, шпионом или проводником — кем угодно.

Но прежде, чем выдать свое присутствие, она плавно, не потревожив ни единой хвоинки, наложила стрелу на тетиву. Она целилась не в Лиаму. Ее взгляд, обостренный до предела, скользнул по пепельному горизонту, за которым начинались предгорья. Там, в долине, куда не падал даже этот тусклый свет, среди базальтовых скал, должен был распуститься первый Лунный Цветок.

Она закрыла глаза, синхронизируя свое сердцебиение с вибрацией костяного лука. — Я найду его, — беззвучно прошептали ее губы, и облачко пара сорвалось с них, мгновенно

но замерзая в воздухе. — А ты, Носитель, поможешь мне до него добраться. Если твой синий огонь сожжет меня, значит, такова цена.

Эльза открыла глаза. В ее вертикальных зрачках отразилось синее сияние магии Лиама, смешавшееся с ее собственной, зеленой и древней, как сама земля. Она оттолкнулась от ветви, растворяясь в воздухе, чтобы обогнать отряд и встретить их там, где пепел встречается с легендой.

Глава 5. Цена искры

Маг Кель прятал свои руки под плотными, многослойными бинтами цвета запекшейся земли. Это была не дань моде и не защита от холода Железных пустошей. Ткань была пропитана специальным составом из толченого угля, свинцовых белил и вытяжек сонного мака, призванным полностью лишить пальцы чувствительности. В Империи магов не просто преследовали — на них охотились с религиозным, методичным остервенением. Инквизиторы Ордена Равновесия использовали специально обученных псов, способных учуять запах озона и озона, остающегося после применения заклинаний. Пойманных не вешали и не рубили головы. Их сжигали на кострах, сложенных из их же собственных, еще пульсирующих магией артефактов. Считалось, что только чистая, концентрированная энергия, пожирающая саму себя, спо-

собна окончательно уничтожить душу колдуна и не дать ей превратиться в вечного, мстительного призрака. Кель видел такие костры. Он до сих пор чувствовал запах горящего хрусталя и плавящегося серебра, смешанный с ароматом человеческой плоти.

Кель научился красть чужие годы.

Его дар не был созидательным. Он не мог призывать молнии или двигать камни. Его магия была болезнью, паразитом, пустотой, которая требовала заполнения. Когда он вытягивал жизненную силу, это выглядело не как вспышка света, а как тихое, леденящее душу поглощение. Кожа жертвы под его пальцами стремительно серела, покрываясь сеткой глубоких, старческих морщин, глаза проваливались, а волосы за секунды становились хрупкими, как пепел. Сам же Кель в этот момент чувствовал омерзительное, пьянящее тепло, разливающееся по его венам. Он крал не просто время — он забирал воспоминания, мышечную память, способность сердца любить и радоваться. Каждая украденная минута оседала в его теле тяжелым грузом чужого горя. В свои двадцать пять лет Кель чувствовал себя древним, как горы, потому что внутри него ворочались бессонные ночи, невысказанные прощания и агония сотен смертей, которые он принес.

Он сидел в тени разбитой арки старого акведука, наблюдая за отрядом Лиам с расстояния в двести локтей. Его лицо было скрыто глубоким капюшоном, а фигура казалась ссутулившейся, словно под тяжестью невидимого мешка с камнями. Он следил за ними уже третий день, питаюсь крохами энергии, которые ронял Бром, когда его алхимические смеси выходили из-под контроля, и остатками жизненной силы крыс, шнырявших в канализации.

Когда Лиам активировал осколок в крипте, мир для Келя перестал существовать.

Это не было похоже на звук или свет. Это было подобно удару гигантского колокола, от которого задремезжали кости в его собственном теле. Чистая, первозданная магия, не требующая платы, не ищущая жертву, не имеющая изъяна, пронзила пространство Нифльхейма. Для мага-вампира, чья суть была завязана на дефиците и краже, это ощущалось как появление солнца в абсолютно темной пещере. Кель рухнул на колени прямо в грязную лужу, разорвав бинты на ладонях о камни. Из его носа хлынула кровь — тонкая, алая струйка, потому что его собственные сосуды не выдержали давления резонанса. Он чувствовал, как синий свет Лиам пульсирует в такт его сердцу. Это был зов. Это было приглашение. Это было обещание того, что ему больше никогда не придется убивать стариков в подворотнях, чтобы просто зажечь свечу.

Он понял, что должен идти за этим светом, даже если этот свет в итоге испепелит его дотла.

Он присоединился к отряду не как друг. Он возник на их пути на следующее утро, когда они пересекали Пепельное поле. Он просто вышел из-за остова сгоревшего танка, скинул капюшон и поднял руки, показывая забинтованные кисти. — Я не причиню вреда, — его голос был сухим и ломким, как осенний лист. — Но Шёпот, который идет за вами по пятам, сейчас прячется в легких вашего гнома. Дайте мне коснуться его, и я вытащу тьму. Взамен я заберу лишь то, что Бром и так уже отдал — пару часов его старости. Он даже не заметит.

Лиам занес меч, Эльза натянула тетиву. Но Бром, заходясь в кровавом кашле, прохрипел: — Делай, вор. Пока я еще могу дышать.

Кель шагнул вперед. Его прикосновение было ледяным. Он не использовал заклинания — он просто положил ладонь на грудь гнома и вдохнул. Шёпот, черный сгусток, с визгом покинул легкие Брома и втянулся в руку мага. Кель задрожал, его глаза закатились, а кожа на мгновение обрела румянец здоровья. Он отнял руку, и Бром судорожно, впервые за недели, вдохнул полной грудью. Сам же Кель пошатнулся, хватая ртом воздух, и в его взгляде на мгновение промельк-

нуло чистое, незамутненное отвращение к самому себе.

Он остался с ними, но держался на расстоянии вытянутой руки, словно прокаженный. Его мотивация была многослойной, как его бинты, и каждый слой сочился виной.

Во-первых, он хотел научиться контролировать дар, который считал проклятием. Рядом с Лиамом его внутренний вакуум не требовал заполнения. Резонанс с осколком успокаивал его вечный, мучительный голод. Кель надеялся, что, находясь рядом с Носителем, он сможет научиться видеть магию, а не только пожирать ее. Он хотел узнать, каково это — творить, не оставляя за собой шлейф из мертвых тел.

Но главной, самой острой и болезненной причиной была вина.

Кель не всегда был вором. Когда-то, в Академии Пепельного Шпиля, у него был наставник — старый магистр Элиан, единственный, кто видел в его даре не проклятие, а редкий талант к целительству. Элиан учил его не вытягивать жизнь, а перераспределять ее: брать излишек у здорового и отдавать больному.

Это случилось в год Великой Засухи, когда «Серая Хворь» пришла в их провинцию. Маленькая деревня умира-

ла. Элиан отдал Келю свой последний, самый мощный артефакт — Рубин Жизни. — Не кради, — сказал тогда наставник, глядя в глаза ученику. — Я отдаю добровольно. Возьми мой остаток, чтобы спасти их.

Кель, ослепленный паникой и жаждой доказать свою полезность, совершил ошибку. Он не просто взял остаток. Его дар, не привыкший к добровольным дарам, вцепился в наставника, как пиявка. Он вытянул не часы, а десятилетия. Он выпил жизнь Элиана до самого дна, превратив мудрого старца в мумию за одно биение сердца, в то время как жители деревни получили лишь лишние сутки мучений. Рубин в руках Келя раскалился и рассыпался черной пылью.

С тех пор Кель носил вину, как вторую кожу. Он присоединился к Лиаму не ради спасения мира. Он присоединился, потому что легенды гласили: в затерянных храмах хранятся Первоэлементы. Кель верил, что где-то там, в сердце древней магии, он сможет найти способ вернуть украденное. Он искал не искупления — он знал, что не заслуживает прощения. Он искал способ повернуть время вспять хотя бы на один день, чтобы в ту деревню вошел не он, убийца своего учителя, а Элиан, спасающий детей. Он шел за синим светом, надеясь, что абсолютная чистота магии Лиамы сможет выжечь заразу из его собственной души.

И когда Лиам, глядя на его забинтованные руки, коротко кивнул, позволяя идти следом, Кель почувствовал нечто, чего не испытывал годами — крошечную, почти невесомую искру надежды. Искру, за которую он, по старой привычке, тут же мысленно назначил цену в десять лет своей жизни.

Глава 6. Врата первого храма

Храм Выдохшегося Ветра не стоял на земле — он произрастал из нее. Когда пепельная буря на мгновение разорвала свои клубы, открывая горизонт, перед отрядом предстала черная, иззубренная скала, формой напоминающая не творение рук, а колоссальный, изъеденный болезнью гриб или ребра давно умершего левиафана, выброшенного на берег времени. Его стены были сложены из обсидиана, гладкого, как вулканическое стекло, и в них не отражалось тусклое багровое небо Нифльхейма — камень впитывал свет, вытягивая его в свою бесконечную глубину.

Строители этого места давно обратились в прах, но их воля продолжала держать оборону. Храм возвышался над пустошью, подавляя своими масштабами. От него исходила не просто угроза, а ощущение вселенской скорби — давящее чувство того, что само дыхание мира когда-то разбилось об эти камни и теперь навсегда застыло внутри.

Его врата были монолитными плитами из вольфрама, вросшими в косяки так плотно, что казались естественным продолжением скалы. Но не металл преграждал путь. Дверной проем был затянут маревом — дрожащим, видимым искажением воздуха, прошитым рунами. Это была не резьба по камню и не краска. Сами символы, древние знаки Предтеч, горели в пространстве холодным, ультрафиолетовым огнем. Они не лежали на поверхности, они висели в пустоте, и их геометрия была настолько чуждой человеческому глазу, что попытка сфокусировать на них взгляд вызывала физическую боль.

Эльза первой опустилась на одно колено, зажав ладонями уши. Руны пели. Это был беззвучный, ментальный ультразвук, который вибрировал прямо в центре лба, вызывая тошноту и острую мигрень. Лиаму казалось, что символы вгрызаются в его сетчатку, выжигая на обратной стороне век узоры, которые складывались в слова на языке, которого не существовало: «Вы недостойны. Вы — лишь пыль, ворующая время». Кель рухнул на колени, его лицо посерело: руны излучали такую концентрированную жизненную силу, что его дар-вампир сходил с ума, требуя впиться в этот источник, но разум понимал, что прикосновение к такой чистоте испепелит его мгновенно. Даже Бром, привыкший к ядовитым парам, выплюнул на камни сгусток черной желчи — руны источали запах стерильности, запах операционной, который

был невыносим для алхимика, привыкшего к аромату гниения и брожения.

— Обычный таран здесь бесполезен, — прохрипел гном, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Это не камень. Это концептуальная печать. Она отрицает само наше право находиться здесь. Если мы попытаемся ударить в эти ворота мечом, металл просто забудет, что он твердый.

Лиам шагнул вперед, сжимая кулак. Синий свет его оскол-ка ударил в марево. Раздался звук, похожий на треск разрывае-мой ткани, и в барьере на мгновение образовалась дыра. Но из нее не пахнуло затхлым воздухом храма — оттуда уда-рил ледяной, абсолютный ноль. Пепел, летевший к воротам, мгновенно кристаллизовался в воздухе и осыпался на землю звенящими алмазными осколками.

— Чистая магия их только провоцирует, — Бром оттолк-нул Лиама назад, спасая его от обморожения. Он упал на ко-лени прямо в пепел, доставая из поясной сумки связки сухих трав, флягу с мутной жидкостью и свой ритуальный сереб-ряный нож. Его движения стали резкими, точными — маска безумца слетела, уступая место хладнокровию мастера.

— Если дверь отрицает материю, мы ударим по ней алхи-мией смысла, — бросил он. — Кровь Носителя — это ключ,

но, чтобы, повернуть замок, нужен растворитель.

Он полоснул ножом по своей ладони. Кровь гнома была густой, темной, с высоким содержанием тяжелых металлов. Затем он полоснул по руке Лиама. Синий свет, пульсировавший в венах юноши, окрасил капли крови в неоновый, почти ядовитый оттенок. Бром смешал их в своей походной медной чаше.

— Пепел, — скомандовал он.

Эльза, преодолевая головную боль, достала из колчана стрелу и концом, покрытым серой пылью, стряхнула в чашу горсть того самого пепельного дождя, что падал с неба.

Бром начал смешивать. Он не читал заклинаний. Он работал как инженер, соединяющий взрывоопасные реагенты. Кровь Лиама несла в себе отказ от смерти, кровь Брома — готовность платить временем, а пепел был самой сутью Нифльхейма — памятью о миллиардах сгоревших жизней. Когда гном капнул в смесь вытяжку из корня мандрагоры, жидкость в чаше не просто закипела. Она начала мыслить. Густой, черный, как смола, раствор заструился по краям чаши, пытаясь принять форму рун, чтобы защитить себя.

— Открывайся! — рявкнул Бром, швыряя чашу в центр

врат.

Черная жидкость не разбилась. Она растеклась в воздухе идеальным кругом, прямо поверх горящих символов. Началась химическая война. Руны попытались сжечь раствор светом, но алхимия Брома была построена на обмане — она впитывала энергию, преобразуя ее в инертную массу. Символы пытались заморозить смесь, но кровь Лиама, усиленная мандрагорой, генерировала лихорадочный жар.

Врата издали звук, похожий на стон раненого зверя. Монолитные створки дрогнули. Руны вспыхнули в последний раз, ослепительной вспышкой выжигая сетчатку всем, кроме Лиама, чья аура приняла удар на себя, и медленно, с оглушительным скрежетом, от которого дрогнула земля, начали уходить в стороны, утопая в обсидиане стен.

Внутри их встретил не монстр.

Никаких клыкастых тварей, никаких големов из застывшей лавы. За вратами не было даже темноты. Там царил ослепительный, белый, стерильный свет, заливавший идеально гладкий коридор, уходящий в бесконечность. Пол, стены и потолок были сделаны из того же материала, создавая иллюзию, что отряд стоит внутри огромной полой кости. Воздух здесь был неподвижным, лишенным запахов и зву-

КОВ.

Иллюзия безопасности длилась ровно до первого шага.

Лиам занес ногу, и его сапог опустился на белый пол. В тот же миг тишина взорвалась.

Это не было обычным эхо. Звук его шага не отразился от стен — он родился из них. Шаг породил крик.

— Ты должен был умереть вместо него! — проревел голос прямо над ухом Лиамы. Это был голос его отца, искаженный яростью и горем. Лиам отшатнулся, выставив перед собой руки, но коридор впереди был пуст.

Эльза сделала свой шаг. Ее мягкая поступь не произвела грохота, но она породила тонкий, хрустальный звон разбивающегося стекла, переходящий в беззвучный, леденящий душу плач. Из белой стены перед ней медленно выступила ее собственная фигура — точная копия, но ее кожа уже была из серого, растрескавшегося мрамора. Глаза статуи были полны отчаяния. — Ты не успела, — прошептала каменная Эльза, и ее голос был сухим шелестом осыпающегося гранита. — Твоя сестра уже стала садом. Ты следующая.

Кель сделал осторожный шаг, стараясь ступать как можно

тише, надеясь обмануть магию. Но эхо его нерешительности оказалось самым страшным. Из пола перед ним начала сочиться густая, черная смола. Она приняла форму магистра Элиана. Старик улыбался той самой доброй улыбкой, которую Кель украл вместе с его последним вздохом. — Ты так и не научился отдавать, мальчик, — прошепел призрак, протягивая руку. — Возьми еще. У меня много времени.

Даже Бром, попытавшийся остаться позади, не избежал участи. Его шаг породил лишь тихий, булькающий звук. Из вентиляционных щелей в потолке начал сочиться густой, золотой сироп. Алхимик замер, глядя, как его ноги по колено погружаются в расплавленное золото. Он услышал звон монет, крики утопающих в богатстве людей и собственный, молодой голос: «Смотри, учитель, я сделал золото из свинца! Мы станем богами!». В этом голосе не было радости, только звенящая, химическая пустота.

Коридор бесконечных эхо оказался идеальным резонатором. Он не создавал звуки извне — он вскрывал черепа, доставал оттуда самые застарелые, гнойные страхи и озвучивал их с идеальной акустикой.

Шаг порождал крик. Крик порождал иллюзию. Иллюзия была настолько реальной, что била по нервам сильнее любого клинка. Воздух в коридоре стал тяжелым от адреналина,

отчаяния и животного ужаса. Друзья, стоявшие в десяти шагах друг от друга, внезапно оказались в абсолютной изоляции. Храм не пытался их убить. Он предлагал им нечто более страшное: остаться здесь навсегда, слушая голоса своих грехов, пока их тела не превратятся в такие же белые кости, из которых был сложен этот храм.

Лиам сжал в кулаке осколок. Синий свет вспыхнул, пытаюсь разогнать морок, но эхо лишь стало громче — оно питалось его магией.

Чтобы пройти это испытание, им предстояло сделать невозможное: перестать бежать от собственных теней и сделать следующий шаг прямо сквозь крики своих мертвецов.

Глава 7. Золото и пустота

Пол под ногами Брома предательски дрогнул, словно живое существо, уставшее держать на себе вес чужаков. Алхимик не успел даже вскрикнуть — лишь его гортань издала короткий, булькающий хрип. Секция идеально белого пола, казавшаяся монолитной, провалилась вниз, и гном рухнул в открывшуюся бездну.

Яма-ловушка не была глубокой, всего около пяти локтей, но ее стены сходились книзу конусом, превращаясь в тесный

каменный мешок. Бром тяжело рухнул на дно, и его многослойный фартук с треском лопнул в плече, ударившись о выступ. В нос ударил запах озона и старого, высохшего машинного масла. Над головой, там, где только что был пол коридора, с оглушительным грохотом сомкнулась массивная каменная плита. Она не просто закрыла дыру — она стала толчком его тюрьмы.

Сверху, сквозь щели в стыке плит, донеслись приглушенные голоса. — Бром! — голос Лиама звучал глухо, но в нем звенела сталь. — Я здесь! Не тратьте время! — проорал гном, задрав голову. Его голос эхом отразился от гладких стен ямы, создавая жуткий хор. — Это классическая ловушка Предтеч. Автономный контур. Сверху ее не открыть, рычагов нет. Плита запирается изнутри!

Эльза, стоявшая на краю провала, натянула тетиву, но Кель остановил ее руку. — Если пробьем камень магией, плита просто станет толще, — прошипел маг, чувствуя, как от белого пола исходит энтропия, вытягивающая тепло даже сквозь подошвы сапог. — Она питается нашим отчаянием.

Бром огляделся в полумраке. Яма была не просто ямой. Это был механизм. По стенам шли медные трубки, покрытые зеленой патиной, а в центре, прямо под тем местом, где сомкнулись плиты, висел массивный противовес — куб из

цельного гранита, прикованный к потолку ямы толстыми цепями. Система была проста и безжалостна: чтобы поднять внешнюю плиту и открыть выход, нужно было поднять этот куб. Но весил он не менее тонны.

— Мне нужна энергия, — пробормотал Бром себе под нос, стирая с губ кровь после падения. Его глаза лихорадочно забегали по поясной сумке. Он не боялся смерти — он боялся подвести их. Умереть здесь, в темноте, став лишь задержкой на их пути, было бы концом его алхимии.

Он начал выбрасывать на пол лишние инструменты: склянки с кислотами, мотки медной проволоки, ступку с пестиком. Наконец, его пальцы наткнулись на то, что искали. Он достал его, зажав в кулаке, словно боясь, что даже свет осколка Лиама осквернит его.

Это был его шедевр, его проклятие и его надежда — Философский камень. Он не был похож на те булыжники, о которых пели менестрели. Камень представлял собой идеально гладкий, прозрачный шар из прессованного кварца, внутри которого, подвешенная в центре антигравитационным полем, билась, как сердце, капля ртути размером с голубиное яйцо. Ртуть не подчинялась гравитации. Она постоянно меняла форму, перетекая из идеального шара в сложные фрактальные узоры, светясь изнутри тусклым, болезненно-жел-

тым светом. Это была квинтэссенция — первоматерия, которую Бром десятилетиями пытался стабилизировать, отдавая ей годы своей жизни в обмен на крупницы знаний.

— Превращу свинец в золото, — привычно пробормотал гном старую, почти забытую формулу активации. Это была ложь самому себе, мантра, с которой он начинал каждое великое дело.

Он сжал камень. Кварц едва слышно загудел, вибрируя на частоте, которая ломала зубы. Бром опустился на колени перед гранитным кубом. Он не читал заклинаний. Алхимия требовала не слов, а абсолютной, математической точности намерения. Он положил ладони на холодный камень.

— Ты — не преграда, — прошептал он граниту, глядя на него не как на препятствие, а как на сырье. — Ты — дисбаланс. Я — равновесие.

Камень в его руке вспыхнул.

Это не был мягкий свет. Это был выброс жесткого, рентгеновского излучения, от которого белые стены ямы покрылись сеткой черных ожогов, а медные трубы на стенах начали плавиться, стекая на пол жидкими каплями. Внутри кварцевого шара ртуть взорвалась, превращаясь в вихрь чистого,

жидкого солнечного света.

Бром направил этот поток в гранитный куб.

Воздух в яме стал невыносимо плотным. Гранит под его ладонями застонал — это был звук перестраивающихся на молекулярном уровне связей. Он не превращал камень в золото ради богатства. Он расщеплял массу. В алхимии Нифльхейма масса и время были связаны. Чтобы поднять тонну гранита, нужно было отдать эквивалент этой массы в энергии. А энергию Бром брал из единственного доступного ему источника, не требующего внешних реагентов — из собственной жизненной линии.

Плита над головой дрогнула. Послышался скрежет, от которого заложило уши — это внешние механизмы храма, повинаясь воле гнома, начали с трудом проворачивать заржавевшие шестерни.

Каменная плита пошла вверх. Медленно, дюйм за дюймом, сдирая с косяков каменную крошку, она начала открываться, обнажая серый пепельный свет коридора. Лиам и остальные радостно вскрикнули, готовясь тянуть руку.

Но Эльза, чей взгляд был острее остальных, первой заметила перемену. Она смотрела не на поднимающийся камень,

а на руки Брома, все еще лежащие на граните.

Кожа гнома стремительно старела.

Это не было похоже на обычное течение времени. Это был ускоренный распад материи. Сначала исчезла грубая мозолистая корка на ладонях — они стали гладкими, белыми и тонкими, как рисовая бумага. Затем вены на тыльных сторонах рук вздулись, потемнели и стали рельефными, как старые канаты на палубе корабля. Суставы пальцев начали деформироваться, узловатые артритные шишки проступили сквозь истончившуюся плоть.

Морщины. Они не просто появлялись — они прорезали лицо Брома, словно невидимые резцы. Кожа на лбу собиралась в глубокие, сухие складки. Гусиные лапки вокруг глаз превратились в глубокие каньоны. Его густая, серая борода, только что бывшая жесткой, как проволока, побелела в считанные секунды, стала хрупкой и посыпалась на камзол серебряной трухой.

— Бром! — в ужасе закричал Кель, видя, как жизненная сила буквально высасывается из тела друга, чтобы напитать механизм храма.

Плита поднялась уже наполовину. Свет Лиама ударил в

яму, и в этом синем сиянии стало видно самое страшное. Кожа Брома потеряла эластичность. Она больше не облегла мышцы — она начала провисать, сморщиваясь, как старый, пересушенный пергамент. Его плечи сузились, грудь впала. Он платил не просто годами — он отдавал саму структуру своего тела, чтобы гравитация отпустила их выход.

— Закрывай... глаза... — прохрипел Бром. Его голос, некогда густой и рокошующий, теперь был тонким, дребезжащим тенором глубокого старца. Из уголка его рта стекла струйка черной, спекшейся крови. — Не смотрите... на это...

Он надавил на гранит в последний раз.

Глухой удар, от которого содрогнулась вся скала храма, возвестил о том, что противовес поднят. Гранитный куб со щелчком встал в пазы под потолком ямы. Механизм издал финальный, удовлетворенный вздох.

Плита над головой встала на место с оглушительным лязгом, но теперь она не была замком — она стала просто полом. Путь был свободен.

Бром обмяк, тяжело ударившись плечом о дно ямы. Его руки, все еще лежавшие на камне, напоминали птичьи лапки — тонкие, костлявые, покрытые пигментными пятнами

и сеткой сизых вен.

Лиам, не дожидаясь, пока механизм опустит мост, прыгнул вниз, рискуя свернуть шею. Он подхватил гнома под руки. Тело Брома было пугающе легким, почти невесомым, словно из него вынули кости.

Кель и Эльза помогли вытащить его наверх. Алхимик лежал на белом полу коридора, тяжело, со свистом втягивая воздух своими старыми, разрушенными легкими. Он открыл глаза. Его зрение, подточенное катарактой, с трудом сфокусировалось на лице Лиама.

Гном попытался усмехнуться, обнажив десны, на которых осталось лишь несколько пожелтевших, шатающихся зубов. — Десять... лет... — выдохнул он, и в его голосе не было ни капли сожаления, лишь сухая констатация факта. — Дешево... за ваши жизни... и за проход...

Он закрыл глаза, и его грудь, исхудавшая и впалая, медленно поднялась в последнем вдохе. Кожа на его лице теперь была похожа на старый, потрескавшийся фарфор. Он заплатил десять лет жизни за спасение друзей, но забрал их не у себя из будущего. Он взял их из своего настоящего, мгновенно перемотав свой жизненный путь от крепкого мужчины в расцвете сил до глубокого, умирающего старца.

Лиам сжал его хрупкое, почти птичье плечо. — Ты не потерял их, Бром, — тихо сказал он, глядя на синий свет в своей руке. — Ты купил нам будущее. И мы потратим его так, чтобы твоя жертва не была напрасной.

Бром не ответил. Он уже провалился в тяжелый, свинцовый сон алхимика, чей баланс наконец-то сошелся, оставив на его теле страшную, но честную печать расплаты.

Глава 8. Выстрел в прошлое

Эхо шагов Брома еще затихало в белых коридорах, когда воздух впереди сгустился, теряя свою стерильную прозрачность. Для эльфийского слуха, привыкшего различать шелест мыши в лесной подстилке за сотню локтей, этот звук был подобен удару хлыста — тихий, почти невесомый шелест ткани, трущейся о базальт там, где не должно было быть ни сквозняков, ни движения.

Эльза замерла, вскинув руку, останавливая отряд. Ее зрачки мгновенно расширились, поглощая остатки тусклого света. Она видела тепловую карту мира, и то, что она увидела, заставило ее хвост волос на затылке встать дыбом. Охотник за головами не спускался с потолка и не выходил из-за угла. Он материализовался прямо из тени массивной колон-

ны, шагнув из абсолютного мрака в полумрак так же буднично, как человек выходит из комнаты в коридор.

Это был не Шёпот. Это была плоть, закованная в броню. Доспехи Охотника были собраны из панцирей вымерших эфирных ракообразных — матово-черные, поглощающие свет пластины, скрепленные не металлом, а пульсирующими сухожилиями. Его лицо скрывала маска-череп, из глазниц которой сочился густой, желтый газ, пахнувший формальдегидом и могильной землей. В руках он держал не меч, а копье-гарпун с тремя расходящимися лезвиями, каждое из которых мелко вибрировало, издавая тот самый режущий слух писк.

Он не тратил время на угрозы или предупреждения. Империя платила за головы эльфов чистым временем, и Охотник пришел забрать свой товар.

Его движение было неестественным. Он не бежал — он скользил, сокращая дистанцию рывками, которые человеческий глаз не успевал фиксировать. Для Эльзы, чье восприятие было ускорено эльфийской кровью, мир вокруг внезапно превратился в тягучий кисель. Она видела, как копье начинает свой полет, как лезвия рассекают воздух, оставляя за собой медленно гаснущие инверсионные следы из застывшего времени.

Эльза сорвала тетиву.

Первая стрела — с наконечником из обсидиана — ушла в полет. Она была быстрой, быстрее звука, быстрее мысли. Но она встретила лишь пустоту. Охотник даже не уклонился — он просто не был в той точке пространства, куда летела стрела, когда она туда прибыла. Он возник на полшага левее, и его гарпун устремился к горлу эльфийки.

Вторая стрела — с тяжелым, бронебойным наконечником из вольфрама. Эльза вложила в выстрел всю силу своих плеч, натянув лук так, что костяное плечо Птерикса протестующе затрещало. Стрела ударила Охотника точно в центр груди, туда, где под пластинами брони должно было биться сердце.

Стрела вязла.

Она не отскочила. Она вошла в черную броню, как в густую смолу, и остановилась, застряв на середине древка. Пластины доспеха просто выпили кинетическую энергию, поглотили инерцию и вес, оставив стрелу беспомощно торчать в груди врага. Охотник издал тихий, клокочущий смех, и его желтые глаза-газовые горелки уставились прямо в расширенные от ужаса зрачки Эльзы. Он поднял руку, собираясь просто вырвать ей гортань голыми пальцами.

В панике, в том слепом, животном ужасе, когда разум отключается, оставляя лишь инстинкты, Эльза совершила ошибку, которая в обычном мире стоила бы ей жизни. Она перевела прицел.

Она целилась не в врага.

Над правым плечом Охотника, в толще белой стены коридора, был вмонтирован кристалл-активатор — один из тех пульсирующих синих камней, что питали механизмы храма. Идеально гладкий, многогранный, он гудел на низкой ноте, искажая пространство вокруг себя.

Эльза не думала о траектории. Она просто спустила тетиву, направив древко стрелы прямо в центр синего камня.

Она ожидала услышать звон разбитого хрусталя. Вместо этого пространство издало звук лопнувшей струны.

Стрела не разбилась о кристалл. Она прошла сквозь него. Но она не просто пролетела насквозь. На мгновение, на долю секунды, Эльза увидела, как ее собственное древко размывается, становясь полупрозрачным, растягиваясь в пространстве, словно резиновое. Стрела вошла в кристалл в настоящем времени, а вышла из него — из прошлого. Она мате-

риализовалась из воздуха за спиной Охотника, три секунды назад, и ударила его в затылок, когда он еще только начинал свой первый шаг из тени.

Реальность вокруг Охотника пошла трещинами.

Его тело, получившее удар в прошлом, споткнулось в настоящем. Но споткнулось оно не физически. Время вокруг него потеряло линейность. Гарпун, который должен был вонзиться в горло Эльзы, замер в дюйме от ее кожи, мелко подрагивая, словно не решив, двигаться дальше или упасть. Желтый газ из его глазниц перестал течь струей и завис в воздухе плотной, медленно вращающейся спиралью.

Сам Охотник начал стареть.

Эльза, чей разум все еще был ускорен адреналином, с леденящей ясностью поняла механику происходящего. Храмы искажали не только пространство, заставляя коридоры тянуться в бесконечность. Они рвали саму ткань континуума. Кристалл на стене был не линзой, а якорем, фиксирующим «сейчас». Проходя сквозь него, стрела Эльзы получила временную инерцию.

Удар в затылок в прошлом заставил тело Охотника в настоящем испытать последствия травмы, которой еще не бы-

ло. Его мышцы, получившие импульс падения, начали резко расслабляться. Кожа под черной броней стремительно покрывалась морщинами — не от алхимии Брома, а от естественного, катастрофического течения времени. Его доспех, выкованный из эфирной материи, начал трескаться, как тонкое стекло, потому что молекулы брони «вспомнили», что они должны были состариться и превратиться в пыль миллионы лет назад.

Охотник за головами, существо, созданное для того, чтобы быть идеальным хищником вне времени, внезапно оказался заперт в ловушке собственного хронологического возраста. Он начал распадаться. Сначала осыпалась маска-череп, превратившись в горстку трухи. Затем его сухожилия, державшие броню, иссохли и лопнули с тихим звуком рвущихся нитей. Пластины доспеха с грохотом рухнули на пол, обнажая тело, которое за три секунды превратилось из могучего воина в ссохшуюся, мумифицированную куклу, а затем — в горстку серого праха, который тут же всосал в себя белый пол храма.

Тишина, воцарившаяся в коридоре, была оглушительной. Гарпун со звоном упал на камни. Замершие в воздухе частицы желтого газа медленно осели на броню павшего врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.